

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ В ДИАЛЕКТИЧЕСКОЙ ОПТИКЕ*

Бажанов Валентин Александрович – доктор философских наук, профессор.
Ульяновский государственный университет.
Российская Федерация, 432000, Ульяновск, ул. Л. Толстого, д. 42;
e-mail: vbazhanov@yandex.ru

Статья представляет собой рецензию на книгу: M. Dafermos. Rethinking Cultural-Historical Theory. A Dialectical Perspective to Vygotsky. Springer: Singapore, 2018. IX, 309 P. ISBN 978-981-13-0190-2. Doi: 10.1007/978-981-13-0191-9. Книга посвящена особенностям становления культурно-исторического подхода в психологии в трудах Л.С. Выготского. Автор стремится обосновать, что Выготский, опираясь на идеи Спинозы, Гегеля, Фейербаха и Маркса, выработал этот подход путем искусного владения диалектическим методом в его гегелевско-марксистской версии. Атмосфера бури и натиска в социальной и культурной жизни 1920-х – начала 1930-х гг. способствовала формированию Выготского как мыслителя с широкими интересами и глубокими философскими знаниями, пережившего в своем интеллектуальном развитии несколько кризисов, заставившего его качественно пересматривать свои идеи и, тем самым, существенно углублять и совершенствовать их. Автор показывает, что, имея в виду литературные истоки творчества Выготского, можно понимать его жизнь как драму, которая сопровождалась пролиферацией идей. Это, в частности, выразилось в его критике гештальт-психологии, концепции Ж. Пиаже, в конечном счете расхождением во взглядах с рядом его учеников, создавших Харьковскую психологическую школу. Выготский оставил большое научное наследие, которое включает анализ с позиций культурно-исторического подхода природы сознания, соотношения мышления и языка, эволюции личности, множества других собственно психологических проблем и искусства.

Ключевые слова: Л.С. Выготский, диалектика, культурно-исторический подход, психологическая система, Ж. Пиаже, научная школа

CULTURAL-HISTORICAL THEORY IN A DIALECTICAL OPTIC

Valentin A. Bazhanov – DSc in Philosophy, Professor. Ulyanovsk State University. 42 Leo Tolstoy St., 432000, Ulyanovsk, Russian Federation; e-mail: vbazhanov@yandex.ru

This is review of the book: M. Dafermos. Rethinking Cultural-Historical Theory. A Dialectical Perspective to Vygotsky. (Springer: Singapore, 2018. IX, 309 P. ISBN 978-981-13-0190-2. Doi: 10.1007/978-981-13-0191-9). The book is devoted to the making of the cultural-historical approach in psychology in the works of Vygotsky. The author claim that Vygotsky, relying on the ideas of Spinoza, Hegel, Feuerbach and Marx, developed this approach by mastering the dialectical method in his Hegel-Marxist version. The atmosphere of the storm and the onslaught in the social and cultural life of the 1920s – early 1930s contributed to the formation of Vygotsky as a thinker with broad interests and deep philosophical background, who experienced several crises in his

* Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект №19-011-00007а.

intellectual development. These crises forced him to qualitatively revise his ideas and, thus, substantially deepen and improve them. The author shows that Vygotsky's literary origins allow his life compare with a drama, which accompanied by drama and the proliferation of ideas. This, in particular, expressed in his criticism of Gestalt psychology, theory of J. Piaget, ultimately a divergence of views with a number of his students who created Kharkov psychological school. Vygotsky left a great scientific legacy, which includes an analysis from the standpoint of the cultural-historical approach of the nature of consciousness, the relationship between thinking and language, the evolution of personality, a multitude of other psychological problems and art.

Keywords: L.S. Vygotsky, dialectic, cultural-historical approach, psychological system, J. Piaget, scientific school

В книге греческого ученого М. Дафермоса предпринята попытка под углом зрения диалектики осмыслить становление культурно-исторического подхода, восходящего к идеям Л.С. Выготского, тогда как другие работы, посвященные жизни и научному наследию этого ученого (например, книга Newman F., Holzman L. Lev Vygotsky. Revolutionary Scientists. Classic Edition. Taylor&Francis, 2015, впервые опубликованная в 1993 г. и впоследствии неоднократно переизданная; с 1993 г. вышло несколько десятков книг, посвященных Выготскому и его концепции), выдержаны в традиционном духе научной биографии.

М. Дафермос являлся аспирантом В.А. Вазюлина (1932–2012), последовательного марксиста-диалектика, который даже в 1993 г. был неизменно уверен в том, что «с точки зрения всей истории человечества коммунизм совершенно неизбежен» [Вазюлин, 1993, с. 22], причем автор особо отмечает факт глубокого влияния на него своего научного руководителя (с. VIII). Между тем знакомство с текстом книги позволяет говорить о том, что ее автор у Вазюлина воспринял лишь приверженность диалектическому подходу, а не веру в жесткую детерминацию исторического процесса, который непременно должен завершиться победой коммунизма.

Ссылаясь на мнение одного отечественного психолога, Дафермос сетует на то, что в современной России понятие диалектики стало едва ли не «грязным» словом (с. 251), но в своей книге старается показать, что в реальности диалектика остается мощным методом анализа явлений в их динамике, и преломляет ее к анализу жизни и деятельности «Моцарта» в психологии – Л.С. Выготского. Можно уверенно утверждать, что в области современных когнитивных исследований и особенно в культурной нейронауке фигура Выготского является очень авторитетной, а его имя наиболее часто произносимым, поскольку его концептуальное наследие в виде культурно-исторического подхода активно применяется и позволяет получать нетривиальные результаты.

М. Дафермос начинает книгу с утверждения о том, что диалектика позволяет рассмотреть концепцию Л.С. Выготского сквозь призму его личностных противоречий, игравших важную роль в драме его идейного развития (с. 1). Сам Выготский считал, что научное объяснение генезиса идей предполагает погружение их в социокультурную атмосферу эпохи, учет условий и закономерностей познания, а также объективной природы изучаемых явлений. Кроме того, эта процедура предполагает их осмысление в контексте тенденций развития науки и философии, специфики субъекта познания, возможностей применения научного знания, равно как и личностные связи этих субъектов и их отношения с научным сообществом.

Если эти требования преломить по отношению к интеллектуальной эволюции Выготского, то нельзя не заметить, что в ранние годы существования Советской России наблюдалась «невиданная» ранее научная активность, носители которой сформировались в серебряный век русской культуры и пронесли установки этого века в драматическую по своей природе советскую эпоху. Это относится и к Выготскому. Вовсе не случайно ученый оказывается вовлеченным в дискуссию о природе искусства и его месте в бурно меняющейся социальной жизни. При этом Выготский, как и в последующей деятельности, показывает себя как мыслитель с очень широкими интересами, а не узким специалистом-психологом. Он стремится преодолеть кризис психологии, вызванный желанием чрезмерно объединить психологическое знание не на фундаменте некоторых «объяснительных постулатов», а на основе применения этого знания к реальным явлениям. Поэтому Выготский сосредоточил усилия на поиске первичной клеточки (cell), которая позволила бы породить весь спектр психологических понятий (с. 119). Фактически этот поиск продолжался всю его недолгую жизнь; он потребовал углубиться в социологию и антропологию (с. 144, 217), рассмотреть диалектическое единство методологии и практики (с. 121), подойти к сознанию как микрокосму слова в контексте интерпретации макрокосма сознания через призму холистического и исторического подходов (с. 199). Таким образом в его творчестве вызревали идея и понятие психологической системы, которые должны были помочь переходу от субъективистского понимания сознания к его исследованию в естественнонаучных, объективных терминах, а также созданию теории личности и культурно-исторической методологии.

Это был тернистый путь, в котором приходилось преодолевать несколько кризисов концептуального порядка. Соответственно, в интеллектуальной эволюции Выготского обычно выделяют три-четыре серьезных кризиса (и периодов его творчества), выступавших движущей силой этой эволюции, – кризисы, которые, с одной стороны, помогали штурмовать новые высоты, а с другой – они знаменовали собой распад и дезинтеграцию сложившейся и, казалось бы, устойчивой

концептуальной системы. В жизни Выготского случилось несколько такого рода кризисов: увлечение советским режимом и разочарование в нем, следование духу марксистского учения и обвинения его в отходе от марксизма, формирование собственной научной школы и последующие сложные отношения с ближайшими коллегами и учениками, выработка своей программы исследований и необходимость существенного пересмотра ее оснований. Наконец, резкое обострение туберкулеза и уход из жизни в результате болезни (с. 226). Драма жизни, сопровождавшаяся драмой и пролиферацией идей. Единственное, что здесь оставалось неизменным, – это приверженность диалектике в ее гегелевско-марксистской форме (с. 26).

М. Дафермос приводит аргументы в пользу того, что Выготский работал именно в данной традиции, а не кантианской традиции, характерной для представителей гештальт-психологии. Драма являлась как бы метарамкой, которая использовалась Выготским для изображения развития как противоречивого процесса влияния культуры на личность. Наибольшее влияние на Выготского оказали идеи Б. Спинозы, Г.В.Ф. Гегеля, Л. Фейербаха и К. Маркса. Формула Гегеля «тезис – антитезис – синтез» фактически использовалась Выготским еще в его психологии искусства (хотя имя Гегеля не упоминается ученым до 1929 г.), но позже он сосредоточился на феномене сознания, точнее, на его онтогенезе в раннем детском возрасте. Фейербах Выготский ценил за демонстрацию возможности построения материалистическо-фундированной психологии, а Маркса – за создание материалистической диалектики. Ученый разработал экспериментально-генетический метод исследования процесса формирования высших психических функций и таким образом он стремился преодолеть разрыв между субъективизмом и объективизмом в психологии, который считал выражением кризиса психологической мысли (с. 78).

«Этика» Спинозы была одним из самых любимых произведений Выготского, а Спинозу он оценивал как первого мыслителя, показавшего саму возможность «объяснительной психологии Человека» на фундаменте материалистической философии монизма. Спиноза первым рассуждал о свободе человека как форме его самореализации (с. 71); он показал возможность преодоления эмоций страха и горя при опоре на разум, позволяющим вскрывать реальные причины событий, а не подчиняться слепой судьбе. Поэтому свобода есть осознанная необходимость, а любое развитие человека с помощью деятельности, преодоления кризисов и «переживания» (термин, который используется в книге без английского перевода!) означает движение к свободе и отражается в культурно-историческом подходе (с. 298). Научному мышлению в области психологии свойственно преодолевать своего рода антиномии: объективизм против субъективизма, индивидуальное против социального, социальное против биологического,

идиографическое против номологического (номотетического) и т.д. Введение Выготским понятия психологической системы позволило ему выйти за пределы дихотомий «культурное» – «естественное», «высшие» – «низшие» ментальные функции и найти аргументы для критики представителей гештальт-психологии.

Выготский находил много недостатков и в идеях Ж. Пиаже раннего периода его творчества. Пиаже во многом опирался на И. Канта, открыто признавал его влияние на свои концептуальные построения (с. 162), и поэтому Пиаже делал акцент на активной роли познающего субъекта, оставляя культурные и социальные факторы без должного внимания. Из работ Выготского, в которых он критикует Пиаже, можно заключить, что он рассматривал процесс адаптации субъекта к окружающей среде согласно когнитивному конструктивизму Пиаже как преувеличенно опирающийся на биологические факторы. Образование детей у Пиаже фактически выносилось за скобки; по мнению Выготского, Пиаже чрезмерно разделял научные и обыденные («спонтанные» у Пиаже) понятия. Последние в развитии интеллекта ребенка в теории Пиаже играют незначительную роль, хотя Выготский был убежден в том, что эта роль сильно недооценена. Между тем Выготский высоко ценил создание Пиаже генетической эпистемологии (с. 232), но, мысленно как бы дискутируя с ним, стремился пойти дальше и предложить более полную и целостную теорию эволюции личности.

В 1920-х гг. Выготский критиковал и весьма популярные в СССР попытки совмещения марксизма и психоанализа Фрейда (с. 37).

Понятие зоны ближайшего развития, введенное Выготским для описания взаимосвязи между процессом обучения и умственным развитием ребенка, является едва ли не самым используемым в педагогической психологии, но, по мнению Дафермоса, его нельзя считать центральным понятием в теории Выготского (с. 167). Последователями идей ученого оно используется в сочетании с понятиями «строительных лесов», «помощник (инструктор)» и другими понятиями, которые оттягивают на себя с понятия зоны ближайшего развития значительную часть смысловой нагрузки. Тем более что, по мысли самого Выготского, всего один шаг, предпринятый согласно подсказке (инструкции), может влечь за собой сотню шагов в развитии человека.

Последние годы жизни Выготского ознаменовались интенсивными размышлениями о взаимосвязи мышления и языка, речи, воли и эмоций, психофизиологической проблеме, природе переживаний, причинах задержек в развитии, шизофрении.

Еще в начале 1930-х гг. некоторые ученики Выготского образовали так называемую Харьковскую психологическую школу, в работах которой вскоре наметился отход от традиций исследований самого Выготского. В этой школе, представленной такими именами,

как Л.И. Божович, П.Я. Гальперин, А.В. Запорожец, А.Н. Леонтьев, А.Р. Лурия и др., на первое место вышел анализ деятельности. Члены этой школы стали критиковать Выготского за его недостаточное внимание к роли деятельности при рассмотрении субъекта. Одновременно (и независимо от Харьковской школы) пристальное внимание на роль деятельности стал обращать С.Л. Рубинштейн. Идеи Харьковской школы и Рубинштейна оказали заметное влияние на развитие советской психологии, особенно Московской психологической школы.

Дафермос замечает интересные особенности развития психологии в России и СССР, связанные с тем, что в разное время здесь формировались мощные школы – Сеченова, Павлова, Выготского, Леонтьева, Рубинштейна, Теплова (с. 230), причем нельзя не отметить факт перекрестного «опыления» (cross-fertilization) разных областей знания. Так, Фрейд пришел к психоанализу из биологии и нейроанатомии, Пиаже из биологии, Павлов из физиологии. Выготского также можно назвать мыслителем, который, опираясь на фундаментальные философские идеи и познания в литературе, легко переходил от одной области исследований к другой (будучи field-switcher). Его (как и А.Р. Лурию, который ввел понятия «классической» и «романтической» науки), пожалуй, можно твердо назвать романтиками в науке, поскольку он стремился к созданию синтетической панорамы предмета своего анализа (с. 235). При этом он был далек от образа кабинетного ученого. Выготский в фокусе своего творчества всегда держал практические задачи, предлагая междисциплинарные по своему характеру подходы и диалектические по методам их решения.

Знакомство с книгой М. Дафермоса оставляет впечатление весьма обстоятельного и добротного исследования становления культурно-исторической методологии в трудах Л.С. Выготского, которое в полной мере реализует диалектические представления вслед за самим главным героем этого издания. В книге нельзя найти сомнений в действенности диалектики как метода анализа, что в какой-то мере напоминает мне умонастроения и ключевые установки советских философов 1960–70-х гг. Книга подводит к мысли, что, возможно, отрицать диалектику после краха марксистско-ленинской идеологии следовало бы более диалектически, согласно формуле «отрицания отрицания» или процедуре «снятия» по Гегелю.

Список литературы

Вазюлин, 1993 – Вазюлин В.А. О необходимости коммунизма мы можем говорить научно // Логика истории и перспективы развития науки. М.: Мысль, 1993. С. 16–63.

References

Vazyulin, V.A. “O neobkhozimosti kommunizma my mozhem govorit’ nauchno” [On the Necessity of Communism We Can Talk Scientifically], in: *Logika istorii i perspektivy razvitiya nauki* [Logic of History and Prospects of Science Development]. Moscow: Mysl, 1993, pp. 16–63. (In Russian)